

## 2. Первые итоги экономического эксперимента

Выработка нового курса была невозможной без притока свежих идей. И этот приток начался. «Избрание нового Генсека активизировало творческую мысль прогрессивно настроенной части общества, — вспоминает помощник Горбачева В.Болдин. — Общее желание перемен было столь велико, что ученые, специалисты, работники органов управления охотно несли М.С.Горбачеву, его окружению свои предложения по преобразованию в стране. Они месяцами просиживали на закрытых партийных и государственных дачах, дорабатывая новые концепции экономической реформы, демократизации общества, совершенствования политической системы, международных отношений.

Огромную работу вела команда Н.И.Рыжкова, готовя предложения по перестройке экономических отношений...

Большую роль в формировании концепции перестройки, подборе кадров для команды М.С.Горбачева играл А.Н.Яковлев... Возглавив мозговой центр М.С.Горбачева, А.Н.Яковлев привлек многих специалистов и, обобщив материалы, сформулировал систему понятий перестройки общества, а также обозначил те практические меры, которые необходимо было осуществить, чтобы добиться реальных перемен в стране. Он постоянно возглавлял бригады “спичрайтеров” и по существу был генератором основных формулировок докладов и выступлений Генсека. Наряду с ним в мозговой центр входили такие известные ученые-обществоведы, как В.А.Медведев, Л.И.Абалкин, А.Г.Аганбегян, А.Н.Анчишкин, С.А.Ситарян, Н.Б.Биккенин, С.С.Шаталин, Н.Я.Петраков, В.П.Можин<sup>25</sup>. Конечно, квалификация этих специалистов, делавших не только научную, но и бюрократическую карьеру, была весьма различной, и выдвигаемые ими идеи потом еще долго шлифовались не столь маститыми специалистами. Они, в свою очередь, испытывали влияние экономистов-реформистов, принадлежавших к академическим кругам.

По мнению В.Мау, очень большое значение имела позиция экономистов (имеются в виду Б.Ракитский, Л.Абалкин, П.Бунич, А.Аганбегян, Н.Петраков), которые «сформулировали вывод о необходимости глубокого “совершенствования хозяйственного механизма” и стали рассматривать последний как самостоятельный объект исследования, который можно анализировать и реформировать, оставляя в стороне вопросы собственности. Это был один из важнейших моментов: согласие на подобный подход давало известную свободу анализа, но и налагало жесткие и потенциально весьма опасные ограничения, которые неизбежно должны были сказаться в будущем»<sup>26</sup>. Однако фатализм, с которым формальное игнорирование вопросов собственности должно было сказаться в будущем, представляется здесь преувеличенным. Все составляющие собственности вовлекались в поле анализа, а их совокупность постоянно имела в виду. Когда было решено допустить развитие частной собственности, это без труда было сделано под

видом «кооперативной собственности». Неизбежными были не последствия, а причины позиции экономистов, которые вынуждены были камуфлировать свою позицию, доводя ее до партийного руководства.

Яковлев и Болдин, возглавлявшие «мозговой центр», считали Горбачева внушаемым человеком и бдительно следили за тем, чтобы количество влияний на него было ограничено. Возможно, они были правы. Немалую роль «при дворе» играла жена Генсека Р.Горбачева<sup>27</sup>.

Характерен такой эпизод, произошедший во время посещения Украины: «Когда В.Шевченко ознакомила гостью с предполагаемым планом посещений, та спросила:

— А что делает Михаил Сергеевич?

Шевченко сказала, что он пойдет на Политбюро. А Горбачева в ответ:

— Я должна сопровождать Михаила Сергеевича всюду. Значит, я буду и на Политбюро.

“Честно признаюсь, — вспоминает В.Шевченко, — я не нашлась, что возразить. Ведь до этого не было случая, чтобы чья-нибудь супруга принимала участие в работе Политбюро. Существовали нерушимые законы партийной этики. На Политбюро обсуждались вопросы государственной важности, которые часто не подлежали разглашению. Это не кухня, где жена может чувствовать себя хозяйкой”. Разумеется, все это В.Шевченко лишь подумала, а про себя решила, что пускай сам Михаил Сергеевич разбирается со своей супругой. “В глубине души я и мысли не допускала, что он позволит Раисе присутствовать на Политбюро”, — говорит В.Шевченко.

Но когда через некоторое время уже вместе с М.Горбачевым, В.Щербицким и другими вернулись к обсуждению деталей программы, Р.Горбачева повторила со свойственной ей безапелляционностью:

— Я вместе с Михаилом Сергеевичем иду на Политбюро!

В.Щербицкий просто в лице изменился... Однако он смолчал. Только нервно достал сигарету, закурил и очень выразительно на меня посмотрел. Мол, что ж вы не смогли ей объяснить?..

Смотрю на Михаила Сергеевича. А Михаил Сергеевич — не иначе воды в рот набрал. Взяла его Раиса Максимовна под руку, и отправились Горбачевы на Политбюро.

Когда государственная чета ушла, Владимир Васильевич дал волю эмоциям... Потом обернулся к своей супруге и с несравненным сарказмом спросил:

— Может, и ты собираешься помогать мне Политбюро проводить?

Взволнованная Рада Гавриловна только руками в ответ замахала»<sup>28</sup>.

Но недооценивать роль Горбачева нельзя. Он лично участвовал в политическом творчестве этих месяцев, продолжал вести себя «демократично», свободно общаясь с советчиками<sup>29</sup>. «На заключительной стадии работы над докладами и выступлениями подключался М.С.Горбачев и его некоторые помощники. Круг их объединял Генсек и с ними уединялся либо в своем кабинете, либо на госдачах в Новом Огареве или Волынском»<sup>30</sup>.

Сложный процесс подготовки выступлений Генсека и документов реформ оставлял за Горбачевым последнее слово, и хотя его собственных идей в этих выступлениях могло не быть, но каким идеям давать ход — решал сам реформатор.

В беседах с учеными и своими советниками Горбачев черпал все новые и новые подтверждения своей доминирующей идеи, в целом справедливой, но не исчерпывающей полноту проблемы: «Ученые, не связанные ведомственными интересами, считали основной причиной отставания страны то, что мы, по существу, “проглядели” новый этап научно-технической революции, в то время как западный мир далеко ушел вперед и в структурной перестройке экономики, и в ее технологическом обновлении, — напишет Горбачев много лет спустя, ссылаясь на авторитеты. — Такую позицию (с нюансами) разделяли Г.И.Марчук, П.Н.Федосеев, А.И.Анчишкин, Г.А.Арбатов, А.Г.Аганбегян, О.Т.Богомолов, Т.И.Заславская, Е.М.Примаков, В.А.Медведев, С.А.Ситарян, Р.А.Белоусов, И.И.Лукинов, В.А.Тихонов и другие ученые, принимавшие участие в дискуссиях»<sup>31</sup>.

«Мозговой штурм» 1985 г. заканчивался в кабинете Генсека, но корни его уходили в экономический эксперимент, начатый еще Андроповым. Ведь для марксистов-ленинцев именно «практика — критерий истины». Идеи, связанные с экономической реформой и итогами андроповского эксперимента обсуждались на научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством», проведенной в Академии народного хозяйства (АНХ) в канун Пленума ЦК КПСС. Возражая проректору АНХ И.Скипетрову, утверждавшему, что «не правы те экономисты, которые необходимость интенсификации производства обосновывают недостаточностью ресурсов»<sup>32</sup>, академик П.Бунич раскрыл одну из главных причин курса на научно-технический скачек: «Высокие результаты развития экономики могут быть получены только при условии активнейшего включения главного и бесконечного ее ресурса — научно-технического прогресса»<sup>33</sup>. Нехватка ресурсов и надежда получить волшебный «бесконечный ресурс» в лице НТП увлекала и экономистов, и партийных лидеров. Только в 1986 г., после взрыва на Чернобыльской АЭС, они начнут догадываться, что «бесконечных ресурсов» в природе не существует. А пока Бунич смущает, что «внедрение достижений научно-технического прогресса иногда является для коллективов предприятий невыгодным»<sup>34</sup>. Преодолеть это печальное обстоятельство П.Бунич предлагал с помощью перехода к оценке деятельности коллективов по реализации «чистой продукции», которая пока существовала лишь как один из оценочных показателей. Несмотря на то что «чистая продукция» реализовывалась с той же неизбежностью, как и валовая, этот показатель был чуть ближе к нуждам потребителя. С него начиналась медленная эволюция в сторону «рыночных преобразований».

#### **БУНИЧ Павел Григорьевич**

*1929 г. рождения. В 1952 году закончил экономический факультет Московского государственного университета (МГУ) им. Ломоносова, в 1955 году —*

аспирантуру Московского экономического института. С 1961 года — доктор экономических наук, с 1962 года — профессор. С 1955 года работал в Научно-исследовательском финансовом институте (НИФИ), где до 1966 года прошел путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора по науке. С 1966 по 1970 год заведовал лабораторией в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. С 1970 года — член-корреспондент АН СССР, а после ее ликвидации — Российской академии наук (РАН).

В 1971—1975 годах — член президиума Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР, директор Хабаровского комплексного НИИ ДВНЦ, директор-организатор Института экономических исследований ДВНЦ. В 1975—1990 годах заведовал первой в стране кафедрой хозяйственного механизма Московского института управления им. Серго Орджоникидзе. В 1990 году был назначен проректором по научной работе Академии народного хозяйства (АНХ), готовящей руководящие кадры для экономики (ректор Академии — теоретик концепции «ускорения» Абел Аганбегян, с которым Бунич был в хороших отношениях еще с семидесятых годов). С 1991 года является первым проректором АНХ.

Среди тем, которыми занимался Бунич в брежневские времена, был официально одобряемый, но находившийся под идеологическим подозрением хозрасчет. Работающий под руководством Бунича научный совет АН СССР по теме «Научные основы хозрасчета» был расформирован. Бунич являлся главным идеологом экономического эксперимента в Главмосавтотрансе и на Сумском машиностроительном научно-производственном объединении им. Фрунзе.

Был членом КПСС с 1956 года. С июля 1990 по август 1991 года — член ЦК КПСС. Народный депутат СССР в 1989—1991 гг. С 1990 г. председатель Союза предпринимателей и арендаторов. С 1994 г. — депутат Государственной Думы от избирательного объединения «Выбор России». Член редакционного совета журнала «Огонек», один из учредителей газеты «Московские новости». Автор более 600 публикаций в различных газетах и журналах, ряда книг по хозрасчету и самофинансированию<sup>35</sup>.

Вопросы оценки работы предприятий были тесно связаны с реформой управления производством. Здесь кредо реформистов изложил академик А.Аганбегян: «Целесообразно, на наш взгляд, чтобы ведущая роль централизованного начала в руководстве социалистическим хозяйством проводилась в жизнь как путем установления для предприятий и объединений директивных заданий по наиболее важным народнохозяйственным показателям, так и все в большей мере через систему экономических рычагов и стимулов (цена, условия финансирования и кредитования, оплата труда, санкции), которые устанавливаются централизованно»<sup>36</sup>. Усыпляя бдительность сторонников командной системы управления рассуждениями о централизованных началах, Аганбегян рисовал по существу систему регулируемого рынка типа НЭПа, в которой государство получает с помощью директивного планирования все, что ему нужно, а в остальное время (если таковое остается) предоставляет трудовым коллективам некоторые вольности, регули-

руемые с помощью рыночных рычагов. Эта модель реформ будет доминировать вплоть до 1990 г.

Важнейшим аргументом в спорах о приемлемости той или иной экономической модели становятся результаты «широкомасштабного экономического эксперимента» 1984—1986 гг. Поскольку в основу эксперимента были положены идеи, близкие концепции Аганбегяна и его единомышленников, академик объясняет трудности, возникшие в «подопытных» отраслях, недостаточной последовательностью преобразования: «Предварительные результаты широкомасштабного эксперимента показывают, что громоздкий аппарат министерств во многом препятствует реализации прав объединений и предприятий»<sup>37</sup>.

Это диктует дальнейшее направление реформ, за которые выступает Аганбегян: «упростить аппарат министерств», «перевести крупные объединения на полный хозяйственный расчет... самофинансирование и широкое кредитование» (это последнее станет по мере «сокращения мелочной административной опеки» важнейшим каналом перекачки государственных средств в частные руки), введение новых цен, «отражающих народнохозяйственную эффективность» (т.е. более рыночных), постепенный переход к оптовой торговле между предприятиями вместо централизованной системы материально-технического снабжения.

А. Аганбегян понимал, что эта программа преобразований, направляющая экономику по пути «регулируемого рынка», слабо связана с главной темой, занимавшей умы руководства КПСС — с научно-техническим прогрессом. Гипотеза о том, что получив большую самостоятельность, предприятия начнут внедрять чудеса НТР (а это требует дополнительных затрат) пока не подвергалась проверке. Поэтому академик предложил создать специальные научно-производственные объединения, которые «должны быть поставлены в привилегированное положение» и специально заниматься исключительно внедрением новой техники. На конференциях говорили также о необходимости внедрения компьютерных технологий<sup>38</sup>.

Иначе смотрел на результаты эксперимента председатель государственного комитета по ценам Н. Глушков. Он обратил внимание на то, что использование в «экспериментальных» отраслях новых показателей приводит к искаженной оценке результатов их работы<sup>39</sup>. А по словам заместителя председателя Госснаба Б. Яковлева, эксперимент приводит к еще большему диктату производителя, чем раньше: «поставщики в ряде случаев стали стремиться создать для себя более благоприятные условия для выполнения обязательств уже на стадии заключения договоров, диктуя свои требования»<sup>40</sup>. К тому же «общей тенденцией для предприятий, работающих в условиях экономического эксперимента, является продолжающийся рост сверхнормативных запасов материальных ценностей...»<sup>41</sup>

Эксперимент не устранял основные болезни экономического механизма, а напротив — усиливал их.

Но к этим тревожным данным не прислушивались — зона эксперимента расширялась. В авангарде шло Сумское машиностроительное объединение имени Фрунзе, которое с 1985 г. перешло на новые условия хозяйствования.

Они предполагали сведение всех платежей в один «налог». Вся прибыль, оставшаяся после платежей в бюджет и расплаты по кредитам оставалась коллективу. Таким образом была предпринята попытка применить в индустриальном обществе модель, существовавшую в древних аграрных социальных системах, когда государство получает налог от общины и более не вмешивается в ее дела. Это доводило модель «НЭПа» до логического конца и, казалось, упрощало экономическую систему.

Однако в 1985 г., когда сумской опыт авансом высоко оценивался участниками экономических дискуссий, его результаты еще не проявились. Впрочем, руководители СССР не были столь наивны, чтобы распространить такой эксперимент на всю страну — у них перед глазами был противоречивый опыт Югославии, которая провела «сумской эксперимент» в масштабах страны и в конце 70-х гг. также пришла к состоянию кризиса. Новые лидеры КПСС продолжали искать оптимальный вариант выхода из кризиса в локальном масштабе, экспериментируя в Сумах, Тольятти, Калуге, Грузии, Ставрополе, а также в «экспериментальных» отраслях.

Горячим сторонником нового экономического курса выступил доктор экономических наук Г. Попов, уже давно обосновывавший углубление реформы 1965 г., «вписывая» идеи рыночной экономики в «каноны марксизма»<sup>42</sup>.

#### **ПОПОВ Гавриил Харитонович**

*1936 года рождения. В 1959 году окончил с отличием экономический факультет Московского Государственного Университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова. Во время учебы выдвинулся на комсомольской работе. По его признанию, «тогда я познакомился практически со всей работой нашей партийной, государственной и общественной машины, как тайной, так и открытой». В 1960—1961 годах — секретарь комитета комсомола МГУ. В 1963 году окончил аспирантуру МГУ и опубликовал свою первую книгу «Электрические машины в управлении экономикой». Во время практики в Московском совнархозе «был поражен количеством просчетов и несуразностей в московском хозяйстве». Считал возможным оптимизировать хозяйственную систему СССР с помощью ЭВМ. С 1963 по 1988 год — сотрудник МГУ. Осторожно критиковал Н.Хрущева. После его отставки привлекался в качестве консультанта к подготовке хозяйственной реформы 1965 г. и доклада Косыгина на XXIII съезде КПСС. В 1971 году возглавил кафедру организации и методов управления общественным производством на экономическом факультете МГУ. В 1973—1974 годах работал также заместителем директора и зав. отделом в Институте информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, где его заместителями были Р.И.Хасбулатов и С.Н.Красавченко. По словам Попова, «вывод о том, что экономическая система не работает, я сделал где-то в 1976 г., после пустого XXV съезда КПСС... Я видел, что при таком развитии событий, которое происходит в стране, мне рассчитывать на практическое осуществление своих идей пока трудно... А сгореть, настаивая на своем, тоже нецелесообразно. Я обязательно понадобится когда-нибудь». В 1977 — 1980 годах — декан экономического факультета МГУ. В это время, дабы получить*

самостоятельность, пытался добиться избрания в АН СССР. «Но я начал играть по правилам самой академии, — вспоминает Попов. — Я принялся подыгрывать одним, вступая в конфликт с другими. Бани, вечера на дачах, подарки... Эти мои маневры отдаляли от меня друзей, а союзников не создавали». Правила, по которым играл Попов, как оказалось, не были правилами «самой академии», так как успеха не принесли.

В годы деканства Попова на факультете широко практиковался прием студентов со спортивными данными, благодаря чему в Университете получила распространение шутка «здоровые экономисты — здоровая экономика». Сам Попов считает своей основной заслугой то, что преподававшие в эти годы на экономическом факультете Шаталин, Анчишкин, Петраков, Яременко и др. сделали факультет центром оппозиционных экономических концепций и содействовали формированию взглядов ряда молодых экономистов, впоследствии возглавивших реформу (в том числе Гайдара и некоторых других членов его «команды»), а также то, что отделение планирования и экономической кибернетики при нем было отделено от политекономики.

В 1980 г. выступил с докладом на закрытом научном семинаре с критикой состояния экономической системы СССР, в мягкой форме выступал по этому поводу и в «Правде». Одна из его статей — «Твое рабочее место», была перепечатана в *Times* под заголовком «Русский защищает безработицу». Против Попова были выдвинуты обвинения в злоупотреблении служебным положением, доказать которые в полном объеме не удалось. Однако, по признанию самого Попова: «Ничего из хозяйственных дел невозможно сделать, если не платить каким-нибудь левакам. Значит, кому-нибудь надо выписывать второй оклад или что-то еще, потому что он из этого второго оклада сможет платить при покупке для факультета каких-нибудь занавесок, краски, при ремонте и других хозяйственных работах, на что денег никогда не хватает». Партком факультета встал на сторону Попова, но с поста декана Попову пришлось уйти. В 1984 г. против него выдвигалось обвинение во взятках, но доказано не было.

В 1988—1992 годах — главный редактор журнала «Вопросы экономики».

Доктор экономических наук, профессор. Тема кандидатской диссертации, по специальности «бухгалтерский учет» — «Применение электронно-вычислительных машин в экономике (МГУ, 1963). Тема докторской диссертации, по специальности «планирование» — «Методологические основы теории управления социалистическим производством» (МГУ, 1970). Автор более 100 научных трудов. Автор книг «Техника личной работы», «Эффективное управление» и «Блеск и нищета Административной Системы».

Член КПСС с 1959 по 1990 год. В период Перестройки приобрел широкую известность сразу после публикации статьи «С точки зрения экономиста» и других статей.

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР (от Союза научных и инженерных обществ). Входил в Комиссию по разработке новой Конституции СССР. На I Съезде народных депутатов СССР стал одним из инициаторов создания Межрегиональной депутатской группы (МДГ); с 30 июня 1989 года — ее сопредседатель. Во время II Съезда народных депутатов СССР в декабре

1989 года подписал коллективное заявление 153 членов МДГ о переходе в «оппозицию по отношению к большинству на Съезде». С осени 1989 года — член клуба «Московская трибуна».

В июне 1990 года во время XXVIII съезда КПСС вместе с мэром Ленинграда Анатолием Собчаком вышел из партии. Во время избирательной кампании 1990 года вошел в предвыборный блок кандидатов «Демократическая Россия» (ДР) и стал одним из координаторов блока.

В 1990—1991 гг. — председатель Моссовета. В 1991—1992 гг. — мэр Москвы.

С декабря 1990 по апрель 1991 года — член Координационного совета и сопредседатель Движения «Демократическая Россия».

В 1989—90 годах — Президент Ассоциации молодых руководителей предприятий СССР (основателем и исполнительным директором Ассоциации был Константин Затулин).

В конце сентября 1991 года утвержден членом Политического консультативного совета при Президенте СССР. Член Президентского Совета России.

В 1991—1992 г. сопредседатель Движения демократических реформ, затем — председатель Российского ДДР. С 1989 года — сопредседатель Общества советских греков (в настоящее время — Межрегиональное движение греков). Председатель федерации бейсбола СССР, президент Международного университета г.Москвы, президент Вольного Экономического общества, президент Международного Союза экономистов<sup>43</sup>. В 1995 г. возглавил избирательное объединение «Социал-демократы».

По мнению Попова, настала пора «на деле перевести объединения и предприятия на хозяйственный расчет»<sup>44</sup>. «Три “кита” лежат в основе полного хозрасчета: остаточный принцип формирования фонда дополнительной оплаты; гарантированные проценты отчислений государственным органам; прямые связи и цены соглашения на заказ». Ссылаясь на опыт Сумского эксперимента, Попов поддерживает НЭПовскую схему — «рассчитайся со всеми, рассчитайся за все, и остаток — твой»<sup>45</sup>. Но из чего берется этот остаток? «В полном хозрасчете лучшим будет не тот, кто реально сделал больше»<sup>46</sup>. Больше чего? Тонн? Кубометров? Вечный плановый вопрос — в чем измерять качество продукции. В рублях? Но система цен в СССР определяется вне прямой связи с затратами труда на создание продукта. Так модель финансовой самостоятельности упирается в проблему цен.

«Нельзя, чтобы система цен “уравнивала” тех, кто зарабатывает по-разному. — считает Попов. — Иначе интерес к заработку будет угасать. Еще более нетерпимо, когда сегодня сфера расходов организована нередко так, что вообще важнее не деньги заработать, а иметь доступ к их “отовариванию”, к дефицитным товарам». Как же быть с этой столь очевидной напастью? Попов предлагает решение в духе планового утопизма: «Поэтому надо так перестроить систему цен, чтобы дефицита не было, а добротные товары могут стать и дороже, чтобы в первую очередь их мог купить тот, кто больше зарабатывает»<sup>47</sup>. Но уже с начала 80-х гг. в стране шло вымывание дешевого ассортимента, а проблема оставалась нерешенной — личные на-

копления все равно превышали товарный запас. Решение в духе предложения Попова могло дать эффект не в случае «перестройки» системы цен, а при конфискации личных накоплений путем повышения цен. Но в этом случае на место дефицита в магазинах должен был прийти дефицит на stole миллионов людей, поскольку они просто не в состоянии были бы купить нужные товары. Повышение цен на «добротные товары» на практике могло означать лишь всеобщее повышение цен, поскольку государственные органы не имели возможности определить, какой ширпотреб «добротен», а какой — нет. Да и зачем производить «неперспективную» продукцию. В итоге «перестройка цен» при тех же механизмах производства означала бы лишь то, что и произошло в начале 90-х гг. — пауперизацию массы населения.

Но в 1985 г. Попов обосновывал свою борьбу с «уравнительностью» коммунистическими идеалами: «Уравнительность не приближает, а отдаляет коммунизм, так как отвлекает ресурсы от их использования в качестве стимула к лучшей работе и позволяет жить ряду работников не по средствам, то есть в чем-то за счет других»<sup>48</sup>.

Кто же будет определять соотношение затрат труда и цен разных предприятий? Попов рассчитывает на введение рыночных («экономических», как тогда осторожно говорили) механизмов регулирования цен. «Цена соглашения и заказ — заключительное звено полного хозрасчета»<sup>49</sup>. Цена должна заключаться как на рынке — по соглашению заказчика и потребителя. Попов убедительно доказывает, что при попытках введения реального нерыночного контроля со стороны вышестоящих органов неминуемо воспроизводится директивное бюрократическое управление экономикой, уже показавшее свою неэффективность<sup>50</sup>. Поэтому регулировать взаимоотношения хозрасчетных предприятий должен рынок (договорные отношения), а роль центра должна быть ограничена минимальными координирующими функциями и стимулированием НТР<sup>51</sup>. При этом чиновники должны материально стимулироваться «за конкретные управленческие действия»<sup>52</sup> (эта идея получит свое развитие в период пребывания Попова мэром Москвы). Свои функции центр будет реализовывать путем использования государственного заказа (оплата государственных заданий), который должен обеспечиваться возрастающими, как казалось Попову, фондами центра, пополняемыми путем взносов предприятий<sup>53</sup>. На практике полугосударственные — получастные предприятия найдут способ перекачивать государственные средства в частные фонды, опустошая казну. Но это произойдет позднее, по мере внедрения «полного хозрасчета». Экономисты-реформисты считали, что все дело в недостатках плановой экономики, и постепенная замена плана рынком может выправить положение. Но корень экономических бед СССР был не столько в плановом хозяйстве (которого в строгом значении слова здесь не существовало), сколько в сверхмонополизме экономической системы. Этот монополизм сохранится и тогда, когда плановая экономика будет разрушена, и тогда монопольная экономика проявит себя уже без государственных «противовесов». Разрушительность этого процесса станет

ясна только в 1992 г. А в 1985 г. к тревожным оценкам эксперимента не прислушались.

Это не случайно. Грядущие перемены привлекали на свою сторону номенклатурную массу тем, что они обещали богатые возможности для карьерных продвижений, которые были так желанны «застоявшемуся» второму эшелону чиновничества. Об этом писал и Попов: «Ключевым звеном для ускоренного перехода к системе экономического управления являются хозяйственные кадры нового типа. Но чтобы их найти, выявить, оценить по реальным результатам, необходим, условно говоря, реальный “бой”. Только в активной работе по внедрению новой системы и по достигнутым в этой работе успехам можно будет выдвигать и отбирать кадры, способные еще больше углубить и ускорить внедрение нового»<sup>54</sup>. Динамичная часть номенклатуры была уверена в своей способности выдержать испытание «реальным боем» и вытеснить неповоротливых стариков из их кресел. Смотр сил победившей части правящего класса СССР предстоял на апрельском Пленуме ЦК КПСС.